

ОБЗОРЫ

УДК 800. 872: 801.3 (571.16)

Е.В. Иванцова

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ТОМСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 03-04-00427 а/Т) и Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (грант № НШ 1736 2003.6).

В статье охарактеризованы отличительные особенности изучения феномена языковой личности в Томской лингвистической школе на фоне других антрополингвистических исследований. Дан полный обзор работ, посвященных анализу идиолекта диалектоносителя, в трудах представителей этой школы.

Антрополингвистика как новое направление языкознания зарождается в последние десятилетия XX в. в связи с развитием общего процесса гуманизации современных наук. В интеграции с социолингвистикой, психолингвистикой, лингводидактикой, лингвистикой текста и одновременно в обособлении от смежных дисциплин формируется новый объект изучения – говорящий субъект, «языковая личность» (далее – ЯЛ). Заметно увеличилось, особенно начиная с 1990-х гг., количество сборников научных трудов и материалов конференций с показательными названиями: «Язык и личность» (М., 1989), «Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте» (Новосибирск, 1994), «Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе)» (СПб., 1995), «Языковая личность: культурные концепты» (Волгоград, 1996), «Человек и его язык: антропологический аспект исследований» (Нижний Новгород, 1996), «Антропоцентрический подход к языку» (Пермь, 1998), «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 1998; 1999), «Язык. Человек. Картина мира» (Омск, 2000), «Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст» (Екатеринбург, 2004) и др. Все это, несомненно, свидетельствует о выдвижении проблемы личностного начала в языке в центр исследовательских интересов.

Формируются лингвистические центры, в которых наиболее активно ведутся антрополингвистические изыскания: Москва, Волгоград, Екатеринбург, Саратов, Пермь, Красноярск, Омск и др. Разрабатываются общетеоретические понятия: определение ЯЛ (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, И.П. Сусов, С.Г. Воркачев), структура ЯЛ (Ю.Н. Караулов), типология ЯЛ (В.П. Нерознак, Н.Л. Чулкина, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина). В каждом из центров складывается свой подход к изучению такого многогранного объекта, каким является говорящий индивид: различается представление о его сущности, источниках изучения, методах, аспектах анализа.

Томская лингвистическая школа – один из таких центров, где более 20 лет назад была поставлена и успешно решается проблема изучения ЯЛ.

Можно выделить ряд отличительных особенностей изучения феномена ЯЛ в исследованиях томских ученых.

1. Первой из таких особенностей является *принципиальная ориентация на изучение реальной ЯЛ*.

Согласно теории Ю.Н. Караулова [1], при изучении ЯЛ выделяются три основных уровня абстракции: личность как индивидуальность, как типовой представитель какой-либо языковой общности и как представитель человеческого рода вообще. Подытоживая достижения антрополингвистики в реальной практике лингвистических исследований языка личности, приходится констатировать, что, несмотря на интенсивное развитие, эта молодая область науки пока продолжает оставаться преимущественно в сфере абстрактного подхода к говорящему субъекту. Анализируется либо *homo loquens* вообще (что особенно характерно для исследований, находящихся на стыке антропологии и психолингвистики, антрополингвистики и лингводидактики; см. труды А.А. Залевской, С.В. Лебедевой, Г.В. Ейгера и И.А. Раппопорта и др.), либо ЯЛ говорящего как носителя национального языка и культуры (публикации Н.Л. Чулкиной, В.М. Богуславского, Н.В. Уфимцевой и др.).

Довольно многочисленны работы, в которых понятие ЯЛ вообще или национальной ЯЛ сужается до рамок какого-либо социолингвистического подтипа: рассматривается ЯЛ ребенка, городского подростка, английского аристократа, современного русского интеллигента, жителя деревни (А.В. Захарова, Е.Н. Гуц, Т.М. Ивушкина, Л.П. Крысин, С.Е. Никитина), реже – психологического подтипа: авторитарной ЯЛ, ЯЛ интраверта (А.А. Пушкин, М.В. Ляпон). На стыке таких работ и исследований ЯЛ в национальном плане находятся опыты описания речи русских эмигрантов (Ю.Н. Караулов, Н.И. Голубева-Монаткина, Е.А. Земская).

Конкретные ЯЛ попадают в поле зрения исследователей значительно реже. Зачастую в качестве аналога реальной личности выступает ее модель, создаваемая на основе дискурса персонажей художественного произведения.

Подход к проблеме «язык личности», при котором поиски закономерностей, построения абстрактных моделей идут «от общего к частному», является пока наиболее распространенным, но представляется одно-

сторонним. Думается, что наряду с ним должен развиваться (и, вероятно, утверждаться в качестве основного) противоположный путь анализа – «от частного к общему», в центр внимания ставящий реальных ЯЛ.

В Томской лингвистической школе исследование ЯЛ началось в 1981 г., когда параллельно с работой над «Полным словарем сибирского говора» с. Вершинино Томской области филологами Томского государственного университета стали осуществляться целенаправленные записи речи одного информанта – Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 г. рождения, русской, малограмотной, коренной жительницы этого села, никуда не выезжавшей далее областного центра. Село Вершинино основано в XVII в. выходцами из севернорусских говоров. Детство и юность диалектоносительницы пришлось еще на годы единоличного хозяйства, сама она всю жизнь проработала в колхозе (позже в совхозе) и хорошо знакома со всеми занятиями крестьянского населения – от работы в поле и огороде до заготовки леса, с многообразными видами труда в домашнем хозяйстве. Живое интересуется событиями в селе и в стране, обладает хорошей памятью, общительным характером, нестандартной, выразительной речью.

Данная ЯЛ была избрана в качестве объекта изучения прежде всего как типичная: во-первых, как рядовой носитель языка, каких среди носителей языка вообще подавляющее большинство, во-вторых, как типичный житель села, владеющий одной из основных форм национального языка – диалектом. Со вторым параметром связан выбор ЯЛ старшего поколения, в архаическом варианте языка которого наиболее полно сохраняются черты традиционного говора и народной крестьянской культуры. В то же время информант обладает способностью к языковой рефлексии, образной и выразительной речью и вследствие этого интересен как одновременно типичный и ярко индивидуальный носитель языка.

Выбор в качестве информанта представителя сибирских старожильческих говоров во многом был предопределен также степенью разработанности теоретических вопросов лексикологии и лексикографии именно на областном материале диалектологами Томской лингвистической школы. Новаторские работы по изучению формального варьирования слова (О.М. Соколов, О.И. Блинова, З.М. Богословская, О.Ю. Галуза), синонимии (Г.А. Раков) и антонимии (Л.М. Райская), мотивационных отношений слов (О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, В.Г. Наумов, Н.Г. Нестерова, М.В. Курышева, Г.В. Калиткина и др.), экспрессивной лексики (О.И. Блинова, Н.В. Жураковская, Е.В. Бельская), метаязыкового сознания (О.И. Блинова, А.Н. Ростова, И.В. Тубалова), образных средств языка (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), труды по теории диалектной лексикографии (В.В. Палагина, О.И. Блинова, М.Н. Яценецкая) и созданная на их базе система разноаспектных словарей – прямых и обратных, дифференциальных и полных, отражающих системные связи слов и образные элементы говоров, – дают исследователю ЯЛ инструмент для ее анализа в виде детально разработанных фундаментальных теоретических понятий лексиколо-

гии, позволяют выявить основной круг проблем, подлежащих осмыслению при обращении к новому объекту (каковым является единичный представитель говора) и опереться на уже имеющиеся выводы, полученные при описании лексической системы среднеобских говоров.

2. Своеобразие исследований диалектологов Томского госуниверситета определяется также *особенностями материала, служащего основой для анализа.*

В большинстве работ исследователи опираются на художественные тексты. Речь героев литературных произведений служит материалом для выводов об особенностях ЯЛ вообще, о специфике различных социолингвистических подтипов обобщенных ЯЛ (см. работы Ю.Н. Караулова, Л.Н. Храмцовой, М.П. Одинцовой, Т.Н. Ишковой, Л.Н. Чуриловой и др.). При исследовании реальных ЯЛ основным источником также являются художественные тексты. Широко распространена практика составления словарей языка писателей: лексикографированы тексты произведений А.С. Пушкина, М. Горького, Т.Г. Шевченко, В.М. Шукшина, М.Ю. Лермонтова, создаются словари М. Цветаевой, К.Г. Паустовского, Ф.М. Достоевского, Н. Клюева и др. Вливаются в русло антропологических исследований и работы стилистического плана, посвященные рассмотрению идиостиля художников слова (см. труды В.П. Григорьева, Л.В. Зубовой, М.В. Антроповой, Е.А. Некрасовой, Т.Е. Пшениной и др.).

В последние годы начинается также активное привлечение к анализу ЯЛ эпистолярных документов (Н.И. Гайнуллина, О.С. Иссерс, В.Н. Полякова, Э.М. Ножкина, М.А. Кормилицына, В.С. Маркелов и др.); значительно реже используются в качестве источников публицистика, научная проза, деловая переписка, дневники, мемуары (Ю.С. Воронов, И.А. Федорченко, О.В. Попова, Н.С. Бондарчук, О.Д. Кузнецова, В.Д. Черняк и др.).

Опора на письменные тексты связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, она обусловлена преимущественным интересом лингвистов к творческому («сильным») ЯЛ писателей, поэтов, деятелей культуры и истории (заметим также, что среди них преобладают ЯЛ прошлого). С другой стороны, эта опора во многом вызвана отсутствием других полноценных лингвистических материалов в активе антропологических изысканий. Ограниченность письменных источников очевидна: они лишь отчасти отражают реальный дискурс ЯЛ, не всегда дают представление о внеязыковых особенностях изучаемой личности. Поскольку в этих случаях остается вне поля зрения вся сфера устной речи индивида, творческая ЯЛ раскрывается в них односторонне, а рядовой носитель языка почти не представлен.

Материалы устной речи, имеющиеся в активе антропологических исследований, очень немногочисленны. Для носителей литературного языка это в основном записи публичной речи политиков, телеведущих и телекомментаторов, ученых (К.В. Киуру, Г.Н. Беспмятнова, М.А. Канчер, Е.Г. Малышева, Т.В. Кочеткова), представляющие ЯЛ в официальной обстановке, в строго определенных речевых жанрах. Записи, сделанные в условиях непринужденного общения, редки: к ним с

некоторой долей условности можно отнести материалы московских лингвистов, опубликованные в хрестоматии «Русский речевой портрет» (М., 1995) и в серии работ Е.А. Земской о речи русских эмигрантов. Тексты, фиксирующие речь конкретных диалектоносителей, послужили базой исследований О.А. Черепановой, Е.А. Нефедовой, Г.П. Слесаревой, В.С. Маркелова и др.

Как отмечается в работах, объем записей, на которых строятся исследования ЯЛ, варьируется от 4 до 70 часов звучащей речи, а наблюдения над избранными объектами обычно носят эпизодический характер (единичные беседы, обследование в течение дня, месяца, максимум 2 полевых сезонов). Исключения единичны. Среди них следует назвать многолетние наблюдения В.П. Тимофеева (1949–1969) и В.Д. Лютиковой (1973–2000) над речью своих матерей, являющихся носителями диалекта, а также производившиеся диалектологами Пермского университета в течение 10 лет экспедиции по изучению языка А.Г. Горшковой из деревни Акчим. Заметим, что многие диалектные записи сделаны вручную и не дают достоверного представления ни о целостном тексте ЯЛ, ни о системной организации ее языковых особенностей в единстве диалектного и общерусского начал.

Таким образом, источниковую базу изучения конкретных ЯЛ, в особенности современных, пока можно охарактеризовать как недостаточную и фрагментарную.

Диалектологами Томской лингвистической школы была поставлена задача создания фундаментальной текстовой базы конкретного рядового носителя языка, нашего современника, во всех типичных для него формах речи. При этом в качестве основного приема сбора материала была избрана разновидность приема наблюдения, обозначаемая в разных работах как «включение в языковое существование говорящего», «сосуществование», «соучастие», «включенное наблюдение» (Н.И. Конрад, Т.С. Коготкова, И.А. Ососовецкий, В.П. Тимофеев, Л.П. Крысин). Т.С. Коготкова определяет ее как базирующуюся на двух тесно связанных между собой основаниях: психологической контактности между исследователем и информантом и долговременности сроков наблюдения [2. С. 287].

Использование этого приема томскими диалектологами реализовалось в 24-летних систематических наблюдениях над одним информантом при личных контактах исследователей с ЯЛ в условиях естественной коммуникации.

Речь В.П. Вершининой записывалась в ситуации непринужденного общения не только с собирателями, но и с односельчанами и родственниками, с 1981 по 2004 г. От двухнедельных летних экспедиций (1981–1989 гг.) мы впоследствии (с 1990 г.) перешли к регулярному – раз в 2–3 месяца – сбору материала, фиксируя в один приезд в среднем от 7 до 20 часов звучащей речи. Всего для изучения ЯЛ диалектоносителя проведено 57 экспедиционных выездов. Основная часть материала собрана Е.В. Иванцовой (54 выезда) и Л.Г. Гынгазовой (14 выездов). В экспедициях также участвовали преподаватели и аспиранты Томского университета Н.Г. Нестерова, З.М. Богословская, В.Г. Арьянова, Е.А. Крапивец, Т.Ф. Волкова, О.А. Казакова, М.В. Курышева и ряд

студентов (Г. Сотникова, Г. Фомичева, Н. Киселева, Е. Пензякова, А.В. Маслова, С.Г. Константинова).

Наблюдения над личностью и речью информанта сопровождались фиксацией на магнитную пленку. Ведение записей от диалектоносителя не скрывалось. Дополняет магнитофонные записи очень небольшая доля текстов (около 5%), зафиксированных от руки. В редких случаях (главным образом в связи с работой над «Полным словарем сибирского говора» и «Полным словарем языковой личности») использовался также прием опроса для уточнения семантики и употребительности отдельных слов, фразеологизмов, прецедентных текстов.

3. Специфика антропологических исследований Томской лингвистической школы связана и с разнообразием источников изучения ЯЛ.

К настоящему времени мы располагаем:

а) первичными источниками, в число которых входят:

- дешифрованные с магнитной ленты тексты, отражающие монологическую и диалогическую речь информанта, общим объемом более 10000 печатных страниц;

- фонотека речи В.П. Вершининой, в которой представлены наиболее качественные записи (более 200 часов звучания);

б) вторичными источниками, среди которых

- картотека недифференциального толкового словаря языковой личности, созданная на основе этих текстов (свыше 100000 карточек);

- рукопись «Полного словаря языковой личности» (более 20 000 словарных статей);

- ряд аспектных словарей.

Материалы представляют речь информанта в разных ситуациях, жанрах и формах (монолог, диалог, полилог), с различными собеседниками, среди которых были и носители литературного языка, и диалектоносители. Разнообразна тематика текстов – от бытовых и личных событий (повседневные происшествия, работа, жизнь родственников и знакомых, воспоминания) до событий общественной жизни.

4. Наконец, отличительной особенностью исследований томских лингвистов является *последовательно проводимый комплексный подход в изучении ЯЛ*.

Нельзя не отметить, что почти все попытки создания речевых портретов не являются системными, затрагивая только отдельные языковые ярусы, в первую очередь фонетический и орфоэпический. Отражает разные уровни языковой системы (лексический, фонетический, стилистический) портрет А.А. Реформатского [3], но и он, как признают сами авторы, очень фрагментарен. Более того, в складывающейся практике описания речевого портрета ЯЛ его фрагментарность утверждается как методологически оправданный прием: «...нужно ли представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы? По нашему мнению, нет... – полагает О.Б. Сиротинина. – Многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать ярко диагностирующие речевые пятна»

[4. С. 73]. Однако чем полнее будет представлен речевой портрет, тем объективнее он отразит реальную сущность ЯЛ в ее единстве общего, типичного и индивидуального.

Для решения глобальной задачи всестороннего исследования феномена диалектной ЯЛ в работах томских лингвистов изначально был выдвинут принцип многоаспектного, системного описания различных форм проявления этого объекта, определения его доминантных характеристик [42].

Наиболее детально пока описан лексикон диалектоносителя.

Е.В. Иванцовой анализировалось устройство идиолексикона в соотношении элементов активного и пассивного словарного запаса: новая [40, 46] и архаическая [47] лексика, лексика чужой речи [48] и окказиональные образования [38]. Подробно изучены и описаны системные связи единиц индивидуального словаря: формальное варьирование [33, 34], полисемия [58] и антонимия [50], синонимические и мотивационные отношения слов [51, 52]. Даны количественные оценки объема лексикона диалектоносителя в целом и входящих в него элементов разных грамматических классов, а также соотношения общерусских, диалектно-просторечных и собственно диалектных слов [51, 52]; диалектно-просторечный пласт идиолексикона анализировался также А.И. Быковой [6]. Экспрессивная лексика информанта исследовалась Е.А. Крапивец [76–83] и Е.В. Иванцовой [51, 52] с точки зрения ее формальных показателей, специфики коннотации, функционирования, отражения языковой картины мира личности.

Рассмотрены общие особенности строения текста диалектной ЯЛ [41, 51, 52]. Изучался состав прецедентных текстов личности [43, 51, 52]. Выявлен круг основных выразительных средств, используемых информантом в речи: сравнение, метафора, гипербола, ирония и др. На фоне их общей характеристики [51, 52] предметом диссертационного исследования Т.Ф. Волковой явились сравнения в речи В.П. Вершининой, детально изученные в структурно-семантическом, функциональном, когнитивном и лексикографическом аспекте, а также в плане сопоставления с языком социума [7–15, 61]. Анализ системы метафорических переносов в идиолексиконе продолжен А.В. Масловой [84].

В целом ряде работ предметом анализа послужила жанровая система диалектоносителя. Т.А. Демешкиной намечена типология речевых жанров В.П. Вершининой [29–31], Л.Г. Гынгазовой описывались особенности оценочных, информативных, ритуальных жанров, жанра воспоминаний в дискурсе информанта [17, 18, 20, 27], Е.В. Иванцовой проанализированы некоторые особенности жанра потчевания [56]. В статьях и кандидатской диссертации О.А. Казаковой ставится задача полного описания ЯЛ через призму используемых ею речевых жанров. Автором обосновано понятие речевого жанра как средства квалификации дискурса ЯЛ; разработана методика описания речевых жанров; выявлена номенклатура простых, сложных и гипержанров в дискурсе диалектной ЯЛ и составлена их разноаспектная типологическая классификация; проанализированы особенности функционирования

различных жанров, стратегии и тактики речевого поведения индивида [62–74]. Имеются наблюдения над функционированием сравнений [12, 14] и экспрессивных лексических единиц информанта [82] в разных речевых жанрах.

Как важная составляющая феномена ЯЛ рассматривается ее метаязыковое сознание. Его особенности, отраженные в дискурсе информанта, описаны в работах Е.В. Иванцовой [37, 45, 51–53], а на материале метатекстов с экспрессивными единицами – Е.А. Крапивец [79].

Интересует лингвистов и проблема представления языковой картины мира говорящего. Реконструкция особенностей мировосприятия и мировоззрения представителя архаической культуры осуществляется как через анализ лексических единиц, так и через описание концептов. Некоторые черты языковой картины мира индивида, в том числе ценностной, выявлены при описании идеографического устройства лексикона в целом и отдельных его полей (в частности, поля «речь»), синонимических отношений слов, пословиц и поговорок [45, 51, 52], экспрессивной лексики [81], сравнений [9, 13, 14, 61], высказываний с выражением чувств [32], диктумного содержания речевых жанров [68]. Л.Г. Гынгазовой рассмотрен ряд ключевых культурных концептов в языке диалектной личности: «Земля», «Душа», «Дом», «Жизнь» и «Смерть», «Пространство» [23–26, 28], разрабатываются методологические основания их описания [26].

Поставлена проблема стилевой организации дискурса носителя традиционного говора [55].

В поле внимания диалектологов входили также вопросы речевого этикета представителя традиционной культуры: изучались правила ведения речи, характер обращений и заочного именованя лиц, употребление личных местоимений, этикетные формулы, использование сниженной лексики [35, 36, 45, 51, 52]; затрагиваются они также при характеристике ритуальных жанров [27].

Начато изучение такого явления, как чужая речь, в дискурсе ЯЛ. Лексика чужой речи рассматривалась Е.В. Иванцовой [48, 51, 52], с синтаксических позиций она проанализирована Л.Г. Гынгазовой [19].

Фонетические и грамматические особенности идиолекта информанта описаны пока лишь в самом общем виде [51. С. 27–32; 52. С. 34–39]. Система безличных предложений у В.П. Вершининой исследовалась С.В. Гузий [16], высказывания с пропозицией чувства – Н.Г. Кокшаровой [75].

Как в собственно лингвистическом, так и в этнолингвистическом плане подвергнут рассмотрению ритуал потчевания в речи диалектоносителя [56].

Обобщающими трудами, в которых представлено разноаспектное описание конкретной ЯЛ в синтезе характеристик лексикона, текста и языкового сознания, являются докторская диссертация Е.В. Иванцовой «Феномен диалектной языковой личности» [52] и опубликованная на основе ее материалов одноименная монография [51] (см. также рец. [86]).

Сопоставительное исследование речи индивида на фоне языковых особенностей коллектива впервые последовательно осуществлено в статьях и диссертации

Т.Ф. Волковой при анализе сравнений в речи В.П. Вершининой и в Вершининском говоре [7–15].

Одним из центральных аспектов анализа феномена ЯЛ стал лексикографический.

Концепция «Полного словаря диалектной языковой личности» была детально разработана Е.В. Иванцовой [39, 44, 49, 52, 59]. На основе записей речи информанта создана картотека этого словаря, насчитывающая свыше 100 000 карточек и постоянно пополняющаяся новыми материалами. В число ее составителей входят более 170 человек – студентов, аспирантов и преподавателей ТГУ и других вузов.

Работа над словарем началась в 1994 г. Коллектив авторов насчитывает 40 человек, среди которых почти все преподаватели, а также ряд аспирантов и студентов кафедры русского языка Томского госуниверситета, сотрудники Томского педуниверситета, Кемеровского госуниверситета, Новосибирского педуниверситета, Кокшетауского университета. В соответствии с замыслом авторов, словарь является по характеру отбора материала недифференциальным, по способу его подачи – толковым, включает всю лексику и фразеологию, зафиксированную в идиолекте информанта, – около 22 500 единиц. Словарные статьи включают: заглавное слово в начальной форме; грамматические пометы; пометы о коннотации, сфере употребления, новизне/устарелости слова; толкование значения; иллюстрации; образные сравнения с данным словом; справочные сведения (о принадлежности единицы к общерусской, диалектно-просторечной или собственно диалектной лексике; о количестве зафиксированных словоупотребле-

ний; о регулярных системных отношениях синонимии, антонимии, формального варьирования, отсылки к приложениям). Дополняет описание языка информанта серия приложений: топонимы, антропонимы и прочие имена собственные; пословицы, поговорки и присказки; образцы связных текстов разных речевых жанров.

В 2000 г. Словарь вошел в число победителей конкурса «Словари России», проведенного московскими издательствами «Астрель» и «Русские словари». В 2002 г. рукопись словаря в целом была завершена и сдана в издательство «Русские словари» (Москва).

Появились первые источниковедческие работы, оценивающие «Полный словарь...» как источник изучения идиолекта в лексикологическом [5, 59], синтаксическом [21] и когнитивном [22] плане.

В последние годы ведется разработка новых типов идиолектных словарей (обзор см. [59]). Краткие словари имен собственных и прецедентных текстов, созданные в качестве приложений к Полному словарю, могут стать базой для самостоятельных лексикографических изданий. Составлен «Частотный словарь диалектной языковой личности» [87], словари идиолектных сравнений Т.Ф. Волковой (500 словарных статей, приложение к [14]) и Е.В. Иванцовой [60].

К перспективным направлениям следует отнести последовательное развитие заявленных направлений, а также изучение антропонимов, топонимов, фразеологии информанта, его грамматической системы. В дальнейшем предполагается распространение сопоставительного аспекта на другие объекты исследования. В планах авторов – создание идеографического словаря ЯЛ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
2. Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 285–301.
3. Реформатский А.А. Опыт описания языковой личности // Язык и личность. М., 1989. С. 149–212.
4. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 143 с.
5. Богословская З.М. Формальные варианты слова в лексикографическом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2003. С. 41–43.
6. Быкова А.И. Просторечная лексика в идиолексиконе сибирского старожила // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Лингвистика. Томск, 2004. Вып. 5, ч. 2. С. 21–23.
7. Волкова Т.Ф. Сравнения в языке диалектной личности // *Juvenilia*. Томск, 1996. Вып. 1. С. 124–126.
8. Волкова Т.Ф. Образные и логические сравнения в языке диалектной личности // *Juvenilia*. Томск, 1998. Вып. 2. С. 98–100.
9. Волкова Т.Ф. Диалектные сравнения и языковая картина мира (формально-семантический аспект) // *Juvenilia*. Томск, 1999. Вып. 4. С. 14–15.
10. Волкова Т.Ф. К проблеме индивидуального в языке: изучение сравнений в речи диалектной личности // *Язык. Человек. Картина мира*. Омск, 2000. Ч. 1. С. 122–125.
11. Волкова Т.Ф. Особенности употребления сравнений отдельной личностью на фоне языка социума // *Филологические исследования*. Томск, 2000. С. 16–23.
12. Волкова Т.Ф. Функционирование сравнений в речи диалектной личности // *Juvenilia*. Томск, 2000. Вып. 5. С. 41–43.
13. Волкова Т.Ф. Семантика сравнений в речи диалектной личности // *Актуальные проблемы лингвистики*. Томск, 2001. С. 148–152.
14. Волкова Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 237 с.
15. Волкова Т.Ф. Виды сравнений в речи диалектной языковой личности // *Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики*. Лингвистика. Томск, 2004. Вып. 5, ч. 2. С. 28–31.
16. Гузий С.В. Безличное предложение в языке диалектной личности // *Актуальные проблемы лингвистики*. Томск, 2001. С. 153–157.
17. Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // *Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии*. Томск, 1998. С. 40–48.
18. Гынгазова Л.Г. Тональность текстов-воспоминаний в языке личности // *Язык и культура*. Томск, 1999. С. 50–55.
19. Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // *Актуальные проблемы русистики*. Томск, 2000. С. 230–238.
20. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // *Актуальные направления функциональной лингвистики*. Томск, 2001. С. 167–174.
21. Гынгазова Л.Г. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» как источник изучения идиолекта в синтаксическом аспекте // *Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе*. М., 2002. С. 239–243.
22. Гынгазова Л.Г. Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // *От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века*. Владивосток, 2002. С. 136–146.
23. Гынгазова Л.Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // *Актуальные проблемы русистики*. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.

24. Гынгазова Л.Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2004. С. 151–155.
25. Гынгазова Л.Г. Миромоделирование в языке диалектной личности // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2004. Вып. 4. С. 193–303.
26. Гынгазова Л.Г. Идиолектная личность в аспекте языковой картины мира: подход к описанию // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург, 2004. С. 101–103.
27. Гынгазова Л.Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур. Хабаровск, 2005. С. 46–56.
28. Гынгазова Л.Г. Образ пространства в идиолекте носителя народной речевой культуры // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004. С. 96–105.
29. Демешкина Т.А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 67–69.
30. Демешкина Т.А. Жанровые формы диалектной речи (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1997. С. 122–129.
31. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 95–101.
32. Диденко Л.В. Высказывания с выражением чувств в языке личности: к вопросу о языковой картине мира // Актуальные проблемы лингвистики. Томск, 2001. С. 157–161.
33. Иванцова Е.В. Формальные варианты слова в лексиконе диалектоносителя // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 52–54.
34. Иванцова Е.В. Формальное варьирование слова в языке диалектной личности. 1994. 23 с. Деп. в ИНИОН РАН 14.03.95, № 50164.
35. Иванцова Е.В. О речевом этикете диалектоносителя. 1994. 24 с. Деп. в ИНИОН РАН 14.03.95, № 50165.
36. Иванцова Е.В. Формы выражения речевого этикета при именовании лица // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск, 1995. С. 159–169.
37. Иванцова Е.В. О языковом сознании личности // Русские говоры Сибири. Семантика. Томск, 1995. С. 110–118.
38. Иванцова Е.В. Окказиональные элементы в речи одного диалектоносителя // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Томск, 1996. Ч. 2. Язык в социально-культурном пространстве. С. 16–20.
39. Иванцова Е.В. О полном слове одной языковой личности // Альманах «Говор»: Матер. Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». Сыктывкар, 1996. Ч. 1. С. 41–56.
40. Иванцова Е.В. Освоение новой лексики в речи одного диалектоносителя // Матер. междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). Красноярск, 1997. С. 126–128.
41. Иванцова Е.В. Речевой портрет личности: особенности строения текста // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1997. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самоосуществления. С. 169–173.
42. Иванцова Е.В. Язык личности: аспекты изучения // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1997. С. 162–169.
43. Иванцова Е.В. Мир личности в прецедентных текстах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 69–78.
44. Иванцова Е.В. О слове рядового носителя языка // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 143–145.
45. Иванцова Е.В. Восприятие и оценка речи в лексиконе языковой личности // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999. С. 48–57.
46. Иванцова Е.В. Обогащение словарного запаса носителя языка // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. Омск, 1999. С. 19–27.
47. Иванцова Е.В. Архаическая лексика в лексиконе одного диалектоносителя // Язык и культура. Томск, 1999. С. 60–66.
48. Иванцова Е.В. Лексика чужой речи в лексиконе языковой личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 52–58.
49. Иванцова Е.В. О полном слове личности // Русистика сегодня. 2000. № 1–4. С. 63–75.
50. Иванцова Е.В. Антонимия в языке диалектной личности // Актуальные проблемы функциональной лингвистики. Томск, 2001. С. 268–277.
51. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
52. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2002. 395 с.
53. Иванцова Е.В. О скрытых показателях языкового сознания говорящего субъекта // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Кемерово, 2002. Сер. Филология. Вып. 4 (12). С. 66–71.
54. Иванцова Е.В. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» как источник изучения идиолексикона // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. М., 2002. С. 235–238.
55. Иванцова Е.В. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 135–146.
56. Иванцова Е.В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2004. С. 141–145.
57. Иванцова Е.В. Антропологистика в Томской лингвистической школе // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург, 2004. С. 36–38.
58. Иванцова Е.В. О полисемии в идиолекте носителя говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. II(VII). М., 2004. С. 316–326.
59. Иванцова Е.В. Языковая личность сибирского старожила: лексикографическое представление // Русский язык и литература в Сибири. Красноярск, 2004. С. 6–23.
60. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 162 с.
61. Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф. Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности // Вестник Том. гос. ун-та. Томск, 1999. Т. 268. С. 89–93.
62. Казакова О.А. Речевой жанр оценки (на материале языка личности) // Juvenilia. Томск, 1999. Вып. 4. С. 11–12.
63. Казакова О.А. Жанровая характеристика речи языковой личности // Язык. Человек. Картина мира. Омск, 2000. Ч. 1. С. 118–122.
64. Казакова О.А. Информативные жанры в языке личности (опыт составления типологии) // Филологические исследования. Томск, 2000. С. 49–55.
65. Казакова О.А. Диалогические единства в речи языковой личности // Актуальные проблемы лингвистики. Томск, 2001. С. 161–166.
66. Казакова О.А. Формальная организация речевых жанров в языке личности // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Томск, 2001. С. 262–268.
67. Казакова О.А. Речевые жанры в поликультурном образовательном пространстве // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2001. С. 200–203.
68. Казакова О.А. Диктумное содержание речевых жанров как источник описания фрагментов картины мира языковой личности // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск, 2002. С. 347–350.

69. Казакова О.А. Жанр рассказа в языке диалектной личности: стратегии и тактики речевого поведения // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Томск, 2003. С. 27–30.
70. Казакова О.А. Жанровое образование как средство организации дискурса говорящего // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2003. С. 58–64.
71. Казакова О.А. Элементарные речевые жанры в языке диалектной личности // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск, 2003. С. 36–40.
72. Казакова О.А. Изучение диалектной языковой личности: жанровый аспект // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 2. С. 130–137.
73. Казакова О.А. Типология элементарных информативных жанров (на материале языка личности) // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2003. С. 116–117.
74. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 247 с.
75. Кокишарова Н.Г. Пропозиция чувства в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 2. С. 159–162.
76. Крапивец Е.А. Средства выражения экспрессивности в лексиконе одной диалектной личности // *Juvenilia*. Томск, 1996. Вып. 1. С. 126–128.
77. Крапивец Е.А. Оценка диалектоносителем поведения человека в труде и в быту // *Juvenilia*. Томск, 1998. Вып. 2. С. 95–98.
78. Крапивец Е.А. Оценка внешности человека в народном самосознании // Молодежь и наука: проблемы и перспективы. Томск, 1998. С. 105–107.
79. Крапивец Е.А. Языковое сознание диалектной личности как важнейший источник информации о семантике экспрессивного слова // *Juvenilia*. Томск, 1999. Вып. 4. С. 15–17.
80. Крапивец Е.А. О семантических типах экспрессивных лексических единиц в языке диалектной личности // *Juvenilia*. Томск, 2000. Вып. 5. С. 46–48.
81. Крапивец Е.А. Ценностная картина мира диалектной личности (на материале экспрессивных лексических единиц) // Язык. Человек. Картина мира. Омск, 2000. Ч. 1. С. 114–118.
82. Крапивец Е.А. Специфика употребления языковой личностью экспрессивных лексических единиц в речевых жанрах // Филологические исследования. Томск, 2000. С. 87–94.
83. Крапивец Е.А. Языковые средства создания экспрессии в речи диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики. Томск, 2001. С. 166–173.
84. Маслова А.В. Метафорический перенос в лексиконе диалектной языковой личности // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Лингвистика. Томск, 2004. Вып. 5, ч. 2. С. 86–89.
85. Полный словарь языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой (в печати).
86. Резанова З.И. Рец. на кн.: Е.В. Иванцова. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002 // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 235–238.
87. Частотный словарь диалектной языковой личности / Сост. Е.В. Иванцова (рукопись).

Статья поступила в научную редакцию «Филологические науки» 1 декабря 2004 г.